

Л. ЭДЖУБОВ

Во имя РАЗУМА

Фантастический рассказ

 обезьяна спала. Тело ее обвисло, свирепая морда была немного перекошена, на уголке рта блестела прозрачная капелька слюны. Только ухо изредка вздрагивало, реагируя на подозрительный шум. Иногда шум казался угрожающим, и, хотя обезьяна не просыпалась, под мхнатой шкурой напрягались мышцы, подтягивались кверху широкие губы, открывая клыки. Через секунду подсознание определяло, что шум не несет опасности. Обезьяна снова погружалась в глубокий сон, наслаждаясь сытостью, теплотой воздуха и безопасностью.

Трук увеличил изображение. На экране иллюминатора космолета стала видна только широкая морда зверя. На крупной губе торчали жесткие волоски, щека подрагивала, — вероятно, обезьяна урчала во сне. Трук усмехнулся, перевел иллюминатор на общую видимость и отошел к столу.

— Ты не имеешь права этого делать, — равнодушно сказал Крилл, поглаживая поверхность стола широкой ладонью. — Ко-

гда вернемся на Стинбу, ты можешь просить еще об одном полете и тогда проведешь опыт.

— Ты ведь знаешь, на Стинбе не одобряют такого далекого рейса для проведения никому не нужного эксперимента.

— Ну, а тебе, — Крилл провел рукой вдоль кромки стола, — зачем нужен этот эксперимент тебе!

Трук посмотрел на членов экипажа. Пожалуй, никто его не поддержит. Все намеченные работы закончены, до отлета остается несколько часов. На лицах он читал только недоумение. Никто не понимал, зачем понадобился этот разговор перед взлетом. Да еще в таком нерешительном тоне, несвойственном командиру. Обычно Трук был резок с командой. А тут перед самым отлетом вместо приказа — совещание об эксперименте, который провести уже невозможно.

— Зачем же он нужен тебе, этот эксперимент! — еще раз спросил Крилл.

— Мы на планете, — спокойно сказал Трук, следя за медленным движением руки Крилла, — чего же улетать, оставляя все на произвол судьбы!

— А нужен ли твой эксперимент чужой цивилизации!

Трук не обернулся на голос Песлы: тот любил уstraиваться за спиной командира. Но Песла должен был заговорить, и Трук ждал этого.

— Цивилизации! — Трук показал в сторону иллюминатора. — Вот этих образин ты считаешь представителями цивилизации!

— Будущее этих «образин», — перебил его Песла, — достаточно обеспечено и без вмешательства покровителей.

— Я прошу всех держаться в рамках совещания! — резко бросил Трук.

— Прости, командир. — Песла подошел к столу. — Я часто забываю, что на корабле даже преклонный возраст не дает права на подобный тон. Но я много лет занимаюсь космической биологией и отвечаю за свои слова.

— Тут почти все проходили курс космической биологии. А потом за что это ты можешь отвечать! — В голосе Трука послышалась усмешка. — Для того чтобы убедиться в твоей правоте, нужно вернуться сюда через несколько сот тысяч лет. К сожалению, это время превышает срок, отпущенный нам природой.

— Мне от этого срока осталось совсем немного, — проворчал Песла, — и все же я утверждаю, что цивилизация на этой планете неизбежна. Могу повторить еще раз: именно тот вид обезьян, который мы наблюдаем уже несколько месяцев, даст начало разумным существам.

Трук задумался. Может, Песла и прав. Условия на планете исключительно благоприятные. Звезда не сжигает все безжалостным огнем, но она достаточно близка, чтобы дать необходимое тепло живому. Толстая шуба атмосферы. Много влаги. Равномерная и относительно быстрая смена дня и ночи дает возможность оптимально чередовать время активной жизни и отдыха. Обезьяны, на которых они сразу обратили внимание, достаточно сильны, чтобы обеспечить себя пищей и не трусить перед многочисленной мелкотой, населяющей планету. Более крупным и опасным хищникам тоже хватает еды, и им нет смысла связываться со столь грозным животным. Значит, обезьянам не

Рисунок Г. КОВАНОВА

грозит истребление. Мало этого, обезьяны сошли с деревьев и стали на задние лапы. Передние, пятипалые лапы стали свободными, и обезьяны хватают ими палки и даже камни. Эти лапы способны к любому труду.

Но начнут ли обезьяны трудиться? Трук вспомнил морду спящей обезьяны: дремотная удовлетворенность и страх. Вот два чувства, которые чаще всего охватывают животных, и это из поколения в поколение передается по наследству. Все немногочисленные желания обезьян удовлетворяются почти полностью. Для чего же трудиться! Нужно ли неуклюжей лапой брать палку и пытаться сбить ею висящие фрукты, когда влезть на дерево гораздо привычнее и проще! Нужно ли поднимать камень, чтобы с трудом бросить его в ловкого хищника, когда можно молниеносно взметнуться над землей по веткам и лианам!

Только ухудшение природных условий — похолодание или обеднение растительного покрова планеты или еще что-нибудь — заставит обезьян взяться за труд. Но сколько тысячелетий этого придется ждать! А вдруг ухудшение наступит слишком быстро или окажется резким и обезьяна вымрет, не успев приспособиться к новым условиям! Тогда понадобятся еще миллионы лет, чтобы какой-нибудь другой вид животных достиг уровня развития обезьян.

За столом собрались все члены экипажа. Все девятнадцать. Но в разговоре принимают участие только двое. Песла считает планету своей. Это он предсказал возможность высокоразвитой жизни на ней — и оказался прав. Что и говорить, победа не малая — теоретически предсказать такое. Да еще Крилл. Этот просто любит поспорить. Остальным, собственно, не так уж важно, что сделает Трук с обезьянами и что случится на этой планете через несколько сот тысяч лет. Далька не идет в счет. Она одна знает, для чего Трук затеял этот, в сущности, ненужный разговор. Все уже сделано и не будет изменено, даже если Песла не согласится. Командир имеет право решать и в случае несогласия членов команды.

Конечно, лучше было бы ничего не делать. Просто снять гравитационную завесу загона для животных, напугать их шумом и вспышками прожекторов, чтобы они убралась подальше, и взлететь. Так было бы спокойней. Трук знал, что он многим рискует. На Стинбе могут не одобрить его поступка. Для порядка, в назидание другим командирам. Полеты в космос требуют осторожности в подборе людей, и Трук на себе испытал бесчисленные придирки.

Но что-то не позволяет ему улететь и оставить все без изменения. А если эксперимент даст результат и ускорит возникновение на планете разумной жизни! Да нет, это чепуха. Дело ведь не только в судьбе планеты, на которой никто из них больше не успеет побывать. Он просто не может улететь, не проведя эксперимента. Наверное, потому, что это было бы нечестно. Или из упрямства! Ему как-то не по душе Песла, да и Крилл тоже.

— Для возникновения жизни на планетах, — Трук повернулся к Песле, — требуются определенные условия, которые не всегда возникают в звездных системах. Но если уж живые существа появились, они все время будут совершенствоваться. Эволю-

ция по крайней мере одного из видов животных ведет к цивилизации. Однако этот путь не всегда может быть пройден до конца. Возможно неблагоприятное стечение обстоятельств, которые способны помешать движению к разуму.

— К нашей планете это не имеет отношения, — возразил Песла. — Развитие уже достигло здесь высокого уровня: животный мир необычайно разнообразен. Природа ставит сотни тысяч экспериментов, они обязательно приведут к появлению разума как самого верного способа выживания и развития рода. Разум надежнее шкуры, которая защищает от холода, сильнее мышц, спасающих от врагов.

— Кроме того, — вмешался Крилл, — ты забываешь, что речь идет о конкретном существе — обезьяне. Все твои рассуждения становятся сомнительными, когда взглянешь на их передние лапы. Ведь это почти руки. Такие обезьяны завтра начнут рожать детенышей, способных к самой тонкой работе.

— А вдруг этого не случится! Вдруг обезьянам еще чего-то не хватает, чтобы появление в относительно короткий срок разума стало необходимостью! Откуда нам знать! Ведь мы впервые встречаемся с такой переходной ступенью развития. Наши исследования показали, что обезьяна уже несколько сот тысяч лет ходит на задних конечностях, а значит, столько же времени хватает передними палки и камни. Ведь хватательный рефлекс присущ животному от рождения. Почему же обезьяны до сих пор не начали трудиться, изготавливать каменные орудия, не изобрели лука и стрел! Не кажется ли вам, что они, достигнув некоторого превосходства относительно других животных и определенной гармонии с окружающей средой, перестали развивать те качества, которые должны раскрыть их возможности! Не думаете ли вы, что обезьяна еще долго не станет трудиться, потому что не испытывает в этом необходимости!

— Развитие не всегда идет такими быстрыми темпами, — изрек Песла. — Тысячелетия — большой срок для цивилизованного общества, но в эволюции к разуму он не всегда достаточен.

Как это у него все гладко и убедительно получается, даже там, где можно только предполагать. На Стинбе он так же убедительно докажет, что эксперимент был не нужен и мог иметь отрицательные последствия для планеты. Нет, надо, чтобы Песла все-таки взял на себя часть ответственности. Ему, Трку, хочется еще побывать в космосе. На Стинбе никогда не одобряют эксперимента, проведенного без согласия Песлы. Скажут, что это несерьезно. Конечно, он командир, но на борту корабля был крупный ученый. Для проведения незапланированного эксперимента следовало бы посчитаться с мнением специалиста. А как с ним можно считаться, когда заранее известно, что он скажет: «Нет». Такого надо неожиданно поставить перед совершившимся фактом. Пока все идет так, как Трук и предполагал, но надо сделать еще одну попытку уговорить старика.

— Твой довод неубедителен, Песла. Ты хорошо знаешь, что за несколько сот тысяч лет у обезьян существенно изменились конечности, посадка черепа, форма челюстей, передние лапы. Но в своем развитии к разуму они не сдвинулись за это время ни на шаг.

— Верно, — согласился Песла, — все эти изменения костных и мышечных групп были подготовкой. Теперь начнет активно развиваться центральная нервная система.

— Но ведь это только предположение. С такой же уверенностью можно утверждать, что обезьяна вымрет, так и не став разумным существом.

— Хорошо, — Песла уселся перед ним. — Я чувствую, что стороны достаточно полно изложили теоретическую часть своей позиции. Может быть, пора сообщить, что ты конкретно предлагаешь!

Вот теперь начинается главное. Следует быть осторожным, иначе старик расвирепееет и не пойдет ни на какие уступки.

— Надо заставить обезьян трудиться, не дожидаясь, пока это сделает природа!

— Как же ты это предлагаешь сделать! — спросил Песла. — Может быть, оставить на планете часть экипажа и открыть для обезьян школу по изготовлению каменных топоров!

— Можно отобрать несколько животных и изменить у них наследственный код.

И тут он увидел, что Далька улыбается. Конечно, эту самую фразу он сказал сегодня ночью. Экипаж спал, а они вдвоем дежурили в рубке. Он любил дежурить с Далькой и хорошо знал, что она выполнит любую его просьбу.

Трук не успел рассказать о своем плане в деталях, а она уже склонилась над командным пультом, включила экран основного иллюминатора и дала в гравитационном загоне сильное освещение. Всех обезьян усыпили еще с вечера, чтобы убрать с ровной очищенной площадки загона аппаратуру. Далька вызвала автономный манипулятор, тот выполз из-под днища корабля, подплыл к крупному самцу, который спал, вздрагивая во сне, и мягко обвил его щупальцами. Далька улыбалась, а манипулятор полз к самой гравитационной стене. Здесь на небольшой поляне манипулятор уложил обезьяну в траву и повернул обратно.

Через час возле первого самца лежало еще девять. Это были самые сильные и крупные животные. Далька сказала еще, что это самые красивые. Трук включил напряжение и установил вокруг поляны вторую гравитационную стену. Теперь десять самцов были изолированы и не могли смешаться с остальным стадом.

— Будущее планеты! — усмехнулась Далька.

Потом он сидел в рубке один. Далька ушла в машинный зал. Без нее он не смог бы рассчитать характер и силу облучения. Далька это делала быстрее всех на корабле. Нужно было спешить. В их распоряжении только одна, последняя ночь. Трук заметил, как на контрольном стенде вздрогнула стрелка и включился хронометр. Значит, Далька уже запустила программу на Большой машине. Через несколько секунд на циферблате загорелось число «91». Машина сообщала предполагаемое время решения задачи. 91 минута — время не слишком большое. До рассвета они успеют.

А сейчас Далька улыбается. Улыбается только она, остальные напряженно ждут. А вдруг командир прикажет отложить взлет! Когда час возвращения домой уже намечен, не хочется оставаться на чужой планете даже лишний день.

Песла вскочил и подошел к Труку совсем близко. Стали видны мелкие морщинки у него под глазами. Старик, конечно, устал. Может быть, не следовало разыгрывать с ним эту сцену! Нет, пусть лучше здесь улягутся страсти.

— Но нам не дано такого права, — закричал Песла, — ты же знаешь инструкцию!

— Инструкция, — возразил Трук, — запрещает уничтожать большое количество животных и изменять наследственный код разумных существ. Я не предлагаю перебить обезьян, а разумной жизни здесь нет.

— Инструкция не может предусмотреть всего, — вмешался Крилл, — но мне кажется, что запрет распространяется и на подобный случай.

— Нет! — возразил Трук. — Этот случай не предусмотрен инструкцией, и мы сами должны решать, что делать. Мы обязаны оказывать посильную помощь инопланетным цивилизациям. Таков естественный долг разумных существ. На этой планете мы можем оказать помощь будущей цивилизации, ускорив появление разума. Таким способом мы оградим развитие обезьян от влияния неблагоприятных случайностей. Но, к сожалению, единственный способ помощи в данных условиях — это вмешательство в наследственный код.

— Ну что ж. — Песла снова уселся и заговорил с деланным спокойствием: — Все ясно. Мы выполним любой приказ командира — если успеем, конечно. Но согласия на эксперимент я не дам.

— Я присоединяюсь к Песле, — сказал Крилл, — и думаю, что остальные нас поддержат.

За столом молчали. Многие опустили головы. Первый раз против командира — это не очень приятно. Трук внимательно оглядел всех. Вот теперь, пожалуй, тянуть больше не следует.

— Ты меня неверно понял, Песла. И ты, Крилл, тоже. Мне не нужно вашего согласия на проведение опыта. Я уже провел эксперимент ночью. Десять обезьян облучены по рассчитанной программе, и у них изменена матрица наследственного кода. И, по существу, это не эксперимент, а помощь, которую мы обязаны оказать.

Песла даже не поднялся. Он смотрел на Трука и молчал. Но Трук видел, как в нем закипает ярость. Теперь вся команда смотрела на старика. Крилл даже убрал руки в карманы куртки. Песла стал медленно подниматься, но Трук опередил его.

— Прошу не перебивать, — резко бросил он. — Я еще не закончил.

Труку хотелось, чтобы Песла немного успокоился, пока он будет говорить.

— Ты прав, Песла. Хватит вести беспредметный спор. Наше совещание и так затянулось. Пора поставить вопрос, который следует решить.

Трук подошел к иллюминатору. Обезьяны по-прежнему спали.

— У меня не было времени советоваться с вами раньше. Слишком поздно пришла мысль об изменении наследственного кода. И вчера ночью я самостоятельно провел обработку вот этих десяти обезьян. Но я не специалист по космической биологии и не могу точно сказать, какие последствия для вида могут иметь изменения в коде. Поэтому надо всем решать, что делать с обезьянами. Можно их выпустить на волю, сняв гравитационную стену.

Он еще раз заглянул в иллюминатор, потом медленно повернулся к столу.

— Но еще не поздно ликвидировать результаты облучения: обезьян можно убить перед отлетом. Этот вопрос придется решать тебе, Песла.

— Ты хочешь перевалить ответственность на чужие плечи! — возмутился Крилл. — И ответственность за уничтожение десяти животных!

— Я хочу, чтобы на этой планете наверняка была разумная жизнь. — Трук подошел к столу. — А за уничтожение обезьян никто отвечать не будет. Полгода назад на Большой машине мы рассчитали, что имеем право без ущерба для развития вида убить 67 здоровых животных. А мы за все время анатомировали только троих, да и те были больными.

— Ты хитер, Трук. — У Песлы слегка дрожал голос. — Ты знал, что я не соглашусь на эксперимент, считая его ненужным. Мне не жаль десяти обезьян. В тысячелетней эволюции это ничего не значащая горсточка живого, и я с удовольствием их уничтожил бы. Но я не могу принять решение, не ознакомившись с тем, что ты наделал с обезьянами.

Трук отодвинул ящик стола и достал таблицы изменения наследственного кода. Вчера ночью их принесла Далька из машинного зала и бросила ему на пульт управления. Она устала и уселась в кресло рядом с ним. Пока он настраивал облучатель по программе, Далька сидела с закрытыми глазами. Теперь он смотрел, как Песла осторожно взял таблицы и углубился в них, внимательно выверяя каждый символ, каждое число. Трук напряженно ждал. О чем сейчас думает старик! Копаются. Как будто не мог сразу посмотреть программу облучения. Ну, а если он скажет «нет»? Тогда придется приказывать. Теперь принялся сопоставлять структуру старого и нового наследственного кода, полученного после облучения...

И вдруг Песла хмыкнул. Это было так неожиданно, что многие рассмеялись. Трук облегченно вздохнул. Песла медленно поднял голову.

— Это не лишено смысла, — сказал он. — Но ведь облучением ты смахнул с молекулы всего несколько групп. Не думаешь ли ты, что природа сделала бы это и без тебя в самое ближайшее время! Тем более что изменение в коде не связано с нарушением физиологических структур животного.

— При случайном изменении характера и силы радиации на планете эти группы могли бы и закрепиться в молекуле.

— Возможно, — закивал Песла, — хотя я не уверен в этом.

А почему ты не облучил всех обезьян в гравитационном загоне!

— Решил не рисковать. Если новое качество окажется вредным для вида, сравнительно небольшое число детенышей этих родителей и их внуки очень скоро вымрут и не окажут влияния на эволюцию. Если же это качество будет полезным и сильным, то и десяти обезьян может оказаться достаточно для развития вида.

Песла поднялся и протянул Труку таблицы.

— Ну что ж, — сказал он, — возможно, это как раз то, чего не хватало обезьянам для взлета к разуму. Я убежден, что твоя «помощь» не будет иметь никакого значения для планеты, но думаю, что на Стинбе одобрят твой поступок.

Потом Трук отдавал последние распоряжения. Его внимательно слушали, повторяли приказ и расходились по местам. Когда все было кончено, Трук подошел к иллюминатору. Он следил за тем, как исчезают гравитационные стены загона, как медленно поднимаются обезьяны и, неуклюже ковыляя, уходят в дальний лес. Среди них были и те десять сильных, рослых и, как говорила Далька, красивых. Они должны были родить новое поколение. Совершенно новое.

Вдруг на плечо Трука легла рука. Он обернулся.

— Слушай, Трук, — у Крилла был немного смущенный вид, — ты знаешь, я не очень хорошо разбираюсь в символикe и ничего не понял в таблицах. Объясни, пожалуйста, какое новое качество ты ввел в наследственный код обезьян!

— Чувство вечной неудовлетворенности! — ответил Трук и выключил экран иллюминатора.

